

Уроки детства

— ДЕТИ всегда оптимистичны. В этом, пожалуй, их главное отличие. Видно, поэтому они еще и неистощимые фантазеры. Дети — самый талантливый народ на земле. — Толомуш Океев говорит серьезно, без обычной своей лукавинки. — Самый честный и справедливый народ. Однако как часто мы с ними только играем, и то — по настроению. А ведь с ними надо сотрудничать!..

Толомуш Океев — ныне известный кинорежиссер, народный артист Киргизской ССР. Первый же его фильм — «Небо нашего детства» — принес ему известность. Вышедший на экран в 1967 году, он был отмечен дипломом на международном фестивале во Франкфурте-на-Майне. Год спустя в итальянском городе Таранто он удостоился главного приза — «Золотой альпийской ветви». За талантливый режиссерский дебют он получил приз и диплома на Всесоюзном фестивале в Ленинграде...

Не много ли наград для одного фильма, тем более первого? Вряд ли можно заподозрить жюри кинофестивалей, проходивших в различных странах Европы, в каком-либо пристрастии к неизвестному в ту пору режиссеру. Большой талант всегда оригинален...

Одна за другой появляются на экраны работы Толомуша Океева — с интервалом в два-три года: «Поклонись огню», «Лютый», «Красное яблоко», «Улан», «Золотая осень»... Все они завоевывают популярность на разных континентах земного шара, а жюри международных и всесоюзных фестивалей неизменно отмечают их дипломами и призами высоких достоинств.

И все-таки, задумываясь о творчестве Океева, всякий раз возвращаешься к его блистательному дебюту — «Небо нашего детства». Почему? На этот вопрос трудно ответить однозначно... Проще сказать, что отсюда начинался Океев-человек. Океев-художник. Но и это утверждение вряд ли можно считать справедливым — он начинался гораздо раньше, со своего детства.

— Возможно, так оно и есть, — слышу я чуть приглушенный голос Толомуша Океева. —

Уроки детства. Вряд ли мы относимся к ним серьезно, да и вообще — помним ли мы их? И опять я слышу голос Толомуша Океева, его рассказ о детстве. И не понимаю — то ли о своем детстве повествует он, а может, это уже образ его главного героя из будущего фильма...

...ЛЕТО кончилось сразу. К вечеру повалил снег. Он не таял, а падал и падал на траву, не успевшую даже пожелтеть от заморозков, которые обычно бывают перед большим снегом. Все сразу стало чужим, неизвестным. Соседние горы, такие знакомые и ласковые, куда Алтай еще несколько дней назад бегал вместе с ребятами искать норы сусликов, вдруг куда-то отодвинулись, задернувшись серой дымкой. Над ними клубились темно-лиловые тучи с бесесым подбоем. От туч тянуло колчим холодом. Большими сонными рыбами они торжественно плыли по низкому небу и, словно напарываясь на островные вершины гор, медленно вытряхивали из себя снег, падавший хлопьями величиной с ладонь.

Летнее пастбище прямо на глазах из зеленого становилось белым. Торопливо проносились, летя разорванным строем, дикие утки и гуси, летовавшие на соседних высокогорных озерах, где еще вчера для них было вдоволь всякого корма. А сейчас они таялись к теплему незамерзающему озеру Иссык-Куль. Эти растянутые птички треугольники на каком-то мгновение появлялись на темном фоне клубящихся туч, а затем стремительно исчезали, словно растворяясь в будущем хаосе...

Алтай отрешенно смотрел на низкое небо, на перелетные птички стаи, а потом побежал искать куда-то запропащившуюся собаку — Кугула. Алтай громко знал ее, но тонкий мальчишеский голос был едва слышен в свисте ветра и расстреленных криках перелетных птиц.

Мальчик сел на снег и заплакал. А потом на него вдруг налетел откуда-то появившийся его любимец Кугул. Собака дрожала от возбуждения и радостно скулила. Они долго и весело возились, радуясь первому снегу.

И Алтай очень удивился, увидев озабоченное лицо матери. Резким окриком она прекратила веселую игру мальчишки и собаки:

— Принеси дров! Чтобы хватило на ночь...

Дров во всей округе было мало — низкорослый кустарник-сушняк и нанесенные рекой корни деревьев успели сжечь за лето стоявшие здесь с юртами близкие и дальние родственники семьи Алтай. Но мальчик знал, что есть еще нетронутый сушняк, но для этого надо было уходить далеко, почти к самым горам.

...Мальчик связывал арканом большие вязанки дров, весело запрыгал Кугула, а тот быстро тащил легкую для него поклажу прямо к юрте, одиноко черневшей среди белой равнины — все соседи уже успели откочевать вниз. И мать с нетерпением ждала отца, который должен был вернуться с верблюдами, чтобы вывезти нехитрые пожитки.

Увязывая очередную вязанку дров, Алтай вдруг в слабом свете начинающихся сумерек увидел чьи-то следы, которые, фыркая, обнюхивал Кугул. Алтай обрадовался: «Отец вернулся!». Но следов было много, а самое главное — Алтай не обнаружил среди них размашистых верблюжьих следов. Алтай заторопился к юрте.

Когда они наконец дотасили вязанку, Алтай подбежал к матери, загонявшей овец в загорodka, которая была рядом с юртой.

— А где ата, где отец?

— Какой отец? — Мать озабоченно посмотрела на Алтай. — Он будет только завтра, ты же сам знаешь об этом.

— А я следы видел возле реки...

— Какие следы? — Голос матери дрогнул, потом она сказала с деланным спокойствием и равнодушием: — Ладно, хватит, иди в юрту.

— У меня еще одна вязанка осталась там!

Мать повысила голос:

— Я тебе сказала — иди в юрту!

...Алтай не помнил, как он уснул, завернувшись в старое одеяло. Проснулся от громкого лая собак и их отчаянного визга. В юрте было темно и холодно. Лишь чуть тлел огонь под большим казаном — мать поддерживала огонь, чтобы отец сразу же мог отогреться горячим и жирным супом — шурпой. Опять задалаи собаки, мальчик отчетливо слышал хриплый, придушенный лай своего любимца Кугула. Алтай было очень странно: кто там — волки или воры?

Резкие порывы ветра сотрясали юрту. Бились и хрюкали привязанные лошади, а там, у входа в юрту, собаки уже вступили с кем-то в яростную схватку... Мальчику было страшно и в то же время стыдно оттого, что он такой маленький и не может выйти в снежную тьму, чтобы помочь Кугулу. Он дрожал, завернувшись в старенькое одеяло, и видел, как собиралась мать — медленно и странно. Она добавила огня в очаге, а потом, сосредоточенная и строго, взяла в руки двустволку, рез-

ким движением загнала в обойму ствола патроны с крупной картечью, опоясалась патронташем, сунула за него нож и, надев на голову отцовский ак-колпак, чтобы ее можно было принять за мужчину, решительно отбросила полог юрты...

Снаружи тотчас ворвался снежный вихрь, в котором пропала мать Алтай. Он услышал ее необычно резкий и властный голос, затем выстрел и отчаянный лай Кугула — тот самый его лай, с которым он обычно бросался только на волка, своего заклятого врага, целясь клыками в горло... И еще выстрел, и опять какой-то незнакомый голос матери, которым она натравливала собак на опасного врага. А потом Алтай показалось, что он услышал выстрелы из чужого ружья и жалобно от боли вскрикивавшую мать.

Мальчик вскопчил, путаясь в одеяле. Он подбежал к очагу, выхватил из него горящий кусок коры и бросился на помощь матери. Но едва он откинул полог юрты, как его ослепила метель, ветер вырвал из его рук жалкий светильник, а его самого заporошил снегом с головы до ног. Оглушенный, задохнувшись от холодного ветра, Алтай вернулся в юрту и заплакал от холода, страха и беспомощности.

Рядом с юртой вновь слышался голос матери, а затем она быстро вошла, неся на руках окровавленного Кугула, который жалобно визжал.

— Смажь ему раны жиром, а потом налей ему шурпы и покорми прямо из миски, — строго и устало сказала мать, — он мне жизнь спас.

...Рано утром приехал отец, он с трудом пробился к ним через заваленное снегом ущелье. Руки у него были мокрые и красивые. Он поглаживал волосы сына.

— Мужчина растет у меня, — слышал мальчик сквозь сладкую дрему, — молодец, мать защитил...

Отец весело подмигнул матери, которая хлопотала, увязывая пожитки в походные выюки. Алтай хотел было сказать, что это не он вчера прогнал воров, но предассветный сон еще не ушел, и мальчик не говорил, а только чуть шевелил губами...

...КТО ЗНАЕТ — эта ли пагубная картина запала в душу мальчика, отыскалась потом потаенной, но звучной струной в душе уже взрослого и сильного мужчины. А может, этот размытый временем эпизод из детства помогает мужчине обрести нестигаемую волю и силу духа в разных суровых житейских обстоятельствах? И ожидает в воздухе, в строе каждого его нового фильма. И того, который снимает сейчас...

Александр ДЕРГАЧЕВ.